

лютной истины, его не устраивает картина разгрома, который он учинил. Иван хочет, чтобы в мире была справедливость, но справедливость посясторонняя — явная, заключенная в конечных пределах пространства и времени¹².

В рассуждениях Ивана есть внутренняя трещина, есть некорректность — он утверждает, что его аксиомы имеют характер абсолютного императива, но они утверждаются на относительном имманентном обосновании.

Иван заявляет, что хочет остаться «при факте». При факте очевидного противоречия. Остаться при факте — это главная аксиома европейского позитивизма конца XIX — первой половины XX века в лице Эрнста Маха или Бертрана Рассела, который так сформулировал ее в дискуссии с епископом Коплстоном в ответ на вопрос: «В чем причина мира?»

«Коплстон. Тогда вы согласны с Сартром, что вселенная, как он это формулирует, беспричинна?»

Рассел. Это слово предполагает, что вселенная могла быть другой. Я бы сказал, что вселенная просто есть, и все»¹³.

Мир просто есть. Рассел — один из тех математиков, которые пришли к фундаментальным противоречиям в науке уже в начале XX века. И расселовское разрешение этих парадоксов, которые в конечном счете привели к созданию современной логики, не является до конца убедительным. В парадоксах Рассела математика пришла к противоречию в самых своих основаниях, но она от этих оснований не отказалась. Иван точно так же не отказывается от своей аксиоматики, несмотря на явное противоречие, им же продемонстрированное с последней убедительностью. Математика второй половины XIX столетия подошла к подробному и полному обоснованию и строгому доказательству своих собственных основ. И одним из главных прорывов на этом пути стала теория множеств Георга Кантора, о которой великий математик Давид Гильберт сказал, что эта теория — одно из высочайших достижений человечества. Но именно формализация бесконечности, предпринятая Кантором, его теория множеств и понятие трансфинитного числа обнажили множество парадоксов. Позитивизм, который тоже решил «остаться при факте», актуальной бесконечности, чреватой парадоксом, не принял.

¹² Иван предложил и другую картину мироустройства. Люди, окончательно убедившись в отсутствии Бога, не бросятся во все тяжкие, а, напротив, станут друг друга любить и охранять, как сироты. Сюжет поэмы «Геологический переворот» напоминает Ивану его ночной собеседник — и тут же демонстрирует недостижимость той идеальной картины мира, которую нарисовал Иван в своей поэме. Говоря языком математики, нарисованная Иваном картина неустойчива по отношению к малым колебаниям — к опережающему остальных «прозрению» хотя бы одного «нового человека». «По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приниматься за дело! С этого, с этого надобно начинать — о слепцы, ничего не понимающие! Раз человечество отречется поголовно от Бога (а я верю, что этот период — параллель геологическим периодам — совершится), то само собою, без антропофагии, падет всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое <...> Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как бог. Он из гордости поймет, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновение, и возлюбит брата своего уже безо всякой мзды. Любовь будет удовлетворять лишь мгновению жизни, но одно уже сознание ее мгновенности усилит огонь ее настолько, насколько прежде расплывалась она в упованиях на любовь загробную и бесконечную... Вопрос теперь в том, думал мой юный мыслитель: возможно ли, чтобы такой период наступил когда-нибудь или нет? Если наступит, то всё решено, и человечество устроится окончательно. Но так как, ввиду закоренелой глупости человеческой, это, пожалуй, еще и в тысячу лет не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно как ему угодно, на новых началах. В этом смысле ему „всё позволено“. Мало того: если даже период этот и никогда не наступит, но так как Бога и бессмертия все-таки нет, то новому человеку позволительно стать человеко-богом, даже хотя бы одному в целом мире, и, уж конечно, в новом чине, с легким сердцем перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежнего раба-человека, если оно понадобится. Для бога не существует закона! Где станет бог — там уже место божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... „всё дозволено“, и шабаш!» (т. 10, стр. 155).

¹³ Рассел Бертран. Почему я не христианин. М., 1987, стр. 292.